

UDK 130.2(47):882.019 Solženicin

"СВЯТАЯ РУСЬ" И "ПОСИЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ" "КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?" А. И. СОЛЖЕНИЦИНА

ALEKSANDER SKAZA, SLOVENIJA

POVZETEK

"SVETA RUSIJA" IN "MOŽNI RAZMISLEKI" "KAKO UREDITI RUSIJO?" A. I. SOLŽENICINA

Razmišljanje A. I. Solženicina "Kako urediti Rusijo?" iz leta 1990 obravnavamo s kulturološkega vidika. Pri tem sodimo, da je razumevanje tega spisa plodno samo takrat, ko se zavedamo, da A. I. Solženicin ni politični lider, temveč pisatelj in mislec etik. Na tak pristop k obravnavanemu spisu nas navaja že njegova avtorska govorna intonacija, ki nas posebno pri avtorjevih razmišljanjih o zgodovinski tragediji Rusije spominja na avtorski izraz Arhipelag GULag in njegovo poudarjeno subjektivnost ter jedko ironičnost. Zato menimo, da pri razpravljanju o spisu "Kako urediti Rusijo?" A. I. Solženicina nimamo opravka z državniškopravnim ali političnim projektom, marveč s svojevrstnim "duhovnim" iskanjem, kako preroditi družbeno življenje Rusije. Na to nas opozarja neposredno tudi sam A. I. Solženicin, ko dvomi o preroditvenih možnostih, da bi s političnimi sredstvi "izboljšali družbo", in stavi "nравstveno načelo" nad pravo. A. I. Solženicin sledi tisti tradiciji, ki ga preko "počvenništva" F. M. Dostojevskega in ruskega "neokrščanstva" navezuje na tradicionalno rusko binarnost in zavračanje zahodnoevropskih pravnih, intelektualnih in demokratičnih načel in vidikov. Pri načrtovanju nekakšne "najvišje moralne instance", ki naj bi v bodoči Rusiji bedela nad dejavnostjo državne oblasti, se A. I. Solženicin tako sklicuje na nekatere ustanove Moskovske Rusije, kot je na primer "Zemski zbor", in slovanofilsko "sobornost". - Utopizem A. I. Solženicina nosi v sebi željo po obnovitvi "svetosti" ruske nacije in teokratskih osnov Rusije kot "svete države".

"Посильные соображения" "Как нам обустроить Россию"¹ А. И. Солженицына можно обсуждать с разных точек зрения, и они так и обсуждались, как в повседневной прессе и журнальной публицистике, так и в более или менее научно обоснованных работах.² До логики и смысла "посильных соображений" "Как нам обустроить Россию?" А. И. Солженицына, как и всей его публицистики, добрались, на наш взгляд, прежде всего те, кто при анализе солженицынских высказываний все время помнил, что А. И. Солженицын "не политический лидер, а художник и мыслитель", и что "круг его идей - вовсе не новый катехезис, цитаты из которого должно прилагать к оценке политической ситуации".³ На такое восприятие наводит нас и авторская интонация в "посильных соображениях", напоминающая, особенно на тех местах в тексте, где идет речь о исторической трагедии России, интонацию авторского слова в "Архипелаге ГУЛаг" - с его подчеркнуто пристрастным тоном, резкой ироничностью и натиском личного чувства.⁴ Таким образом, мы в нашем случае не имеем дело с каким-то государственно-правовым или политическим проектом новой системы государственного устройства России, а с своеобразным духовным поиском возрождения общественной жизни России, на что указывает и сам А. И. Солженицын, сомневаясь в возможности политических средств "улучшить общество" и считая, что "нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое".⁵

Превознесение нравственного начала приводит А. И. Солженицына до особой системы ценностей. Религиозно-нравственные постулаты и критерии абсолютизируются, обсуждение правовых, политических и общегосударственных проблем оказывается на втором плане. Такая трактовка "обустройства" России возбуждает при тщательном обсуждении "посильных соображений" А. И. Солженицына некоторые недоумения.

Если взять "посильные соображения" с положительной стороны, прежде всего со стороны совокупности исходных этических категорий А. И. Солженицына самых по себе, то мы должны сказать, что недоумения почти не появляются. В концепции А. И. Солженицына, что "мы (т.е. русские, А. Ск.) - на последнем докате",⁶ что "наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года",⁷ и что "разрушение наших д у ш за три четверти столетия - вот что самое страшное"⁸ -

1 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *Как нам обустроить Россию? Посильные соображения*, Специальное приложение к "Русской мысли" No 3846 - 21 сентября 1990.

2 См. напр: АНДЖЕЙ ЛАЗАРИ, *Наполеон или Чичиков?*, Санкт-Петербург, 1993, стр. 27-31.

3 АЛЛА ЛАТЫНИНА, *Солженицын и мы*, "Новый мир", 1992, No 1, стр. 240.

4 Ср: ВИКТОР ЖИВОВ, *Как вращается "Красное колесо"*, "Новый мир", 1992, No 3., стр. 249.

5 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *op. cit.*, стр. 45.

6 Там же, стр. 3-4.

7 Там же, стр. 7.

8 Там же, стр. 22.

очень много горькой правды; правдив и почти беспрекословен и призыв к очищению, раскаянию, самоограничению - к обновлению духовной жизни современного человека и общества. Все симпатии на стороне А. И. Солженицына и тогда, когда он в "посильных соображениях" вслед за "почвенниками" (Аполлоном Григорьевым и Ф. М. Достоевским) повторяет мысль, высказанную в "Нобелевской лекции" (1972): "Каждый, и самый малый, народ - есть неповторимая грань Божьего замысла", и потом дополняет эту мысль заветом Владимира Соловьева: "Люби все другие народы, как свой собственный," ("Оправдание добра", 1897), а наконец приходит к заключению: "Пришел крайний час искать более высокие формы государственности, основанные не только на эгоизме, но и на сочувствии."⁹ Почвеннический национализм А. И. Солженицына дает всем нациям одинаковые права и насильно никого не намерен подчинять своим "взглядам"¹⁰ Он соглашается, хотя с болью, на отделении Украины и Белоруссии от России, если така воля "местного населения" этих стран,¹¹ "чего не могут ему простить русские шовинисты, утверждающие, что писатель хочет >>загнать Россию в Московскую область"<<".¹² - Непререкаемые и требования А. И. Солженицына жесткого выбора между Империей и "духовным и телесным спасением нашего (русского, А. Ск.) народа"¹³ и поиска "своего пути" при "обустройстве России".¹⁴

Недоумения возникают тогда и там, когда и где А. И. Солженицын обсуждает насущные проблемы современной России, какими являются вопрос "А что есть Россия?", проблема власти, хозяйства, государственного строя, демократии, народного представительства, парламентаризма, интеллигенции, плюрализма идей и поступков, защиты прав человека и некоторых других с точки зрения непререкаемого превосходства этических категорий, среди которых выдвинуты на первый план категории "раскаяния" и "самоограничения" как "категории национальной жизни".¹⁵ Если привести в связи с сказанным в "посильных соображениях" "Как обустроить Россию?" основной, на наш взгляд, постулат А. И. Солженицына, часть которого мы в нашей статье уже цитировали:

*"Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость - это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим."*¹⁶

9 Там же, стр. 10.

10 А. И. Солженицын противопоставляет понятию "взгляд-ы" понятие "идеология" и пишет: "У человека - взгляды, а у партии - идеология." - Там же, стр. 35.

11 Там же, стр. 9.

12 См.: АНДЖЕЙ ЛАЗАРИ, *op. cit.*, стр. 31.

13 А. И. Солженицын, *op. cit.*, стр. 6.

14 Там же, стр. 21-22.

15 См.: ЖОРЖ НИВА, *Солженицын*, Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1984, стр. 216-217.

16 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *op. cit.*, стр. 45.

то придется нам указать и на "антизападнический" славянофильский компонент его "почвенничества".

А. И. Солженицын, который же на самом себе испытал, как коммунистическое "нравственное начало" и в модернизированном варианте "морального кодекса строителя коммунизма", провозглашенное Программой КПСС (1961), подчиняло себе "начало юридическое", как бы не осознает опасности подчинения юридического права морали отдельной личности или отдельного коллектива (народа, религии, класса, сословия) и критикует правовое государство, которое для современной западной культуры - государство, в котором юридические законы находятся в согласии с правами человека и не зависят от морали отдельной личности. А. И. Солженицын видит в провозглашении "прав человека" - "самый модный лозунг" и опасается "общества необузданных прав"; "правам человека" противопоставляет "право наших ушей на тишину, право наших глаз - на внутреннее видение" и призывает к "добровольному самоограничению в пользу других" и к самоограничению на каком-то рубеже от "непосильного современного потока уже избыточной и мелочной информации", который "расхищает нашу душу в ничтожность".¹⁷ О том, где рубеж потока информации, А. И. Солженицын не говорит, как не говорит и о том, какая духовная независимость возможна при соблюдении "изначальной европейской демократии", якобы "напоенной чувством христианской ответственности /и/ самодисциплины", и зачем "современная состязательная публичность" как бы безусловно рождает "интеллектуальную псевдоэлиту", которая "подвергает осмеянию абсолютность понятий Добра и Зла" и "прикрывает равнодушие к ним >>иморализмом идей<< и поступков".¹⁸

Возлагая надежды на духовное возрождение русского народа, связанное с религиозным возрождением, полным освобождением Церкви от ига государства и восстановлением живой связи Церкви с общенародным чувством,¹⁹ А. И. Солженицын со скепсой относится к демократии и сочувственно ссылается на критиков демократии. Среди А. И. Солженицыным приведенных цитат встречаются в "поисильных соображениях" утверждение Г. Федотова, "что демократию исказил атеистический материализм XIX века, обезглавивший человечество, опасение Дж. С. Милля, что "в неограниченной демократии опасность >>тирании большинства<<", определение демократии Иозефом Шумпетером как "суррогата веры для интеллектуала, лишённого религии"²⁰, констатацию В. В. Розанова: "Демократия - это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет

17 Там же, стр. 24-25.

18 Там же, стр. 34.

19 Там же, стр. 23-24.

20 Там же, стр. 27.

неорганизованным большинством,²¹ и т.д. и т.п. - Солженицын считает, что демократия бессилна перед тоталитаризмом, несправедлива и случайна, так как заменяет общее согласие законом математического большинства и таким образом представляет "торжество бессодержательного количества над содержательным качеством".²² Говоря о нации как о "живом организме", а не "механической совокупности рассыпанных единиц", А. И. Солженицын ссылается на Ф. М. Достоевского, который "считал всеобщее-ровное голосование >>самым нелепым изобретением XIX века."²³ - Демократия бессодержательна, ибо лишена всякого трансцендентного начала. А. И. Солженицын предлагает "медленный плавный спуск" "со скалы ледящего тоталитаризма" через авторитарную систему, ибо по его мнению "неподготовленному (русскому, А. Ск.) народу с той скалы сразу прыгнуть в демократию значит расшлепаться насмерть в анархическое пятно".²⁴ Предостерегая от опасности анархии - "первой гибели, как нас научил 1917 год",²⁵ А. И. Солженицын приходит к заключению:

"Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно-преемственным и устойчивым. И вот уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам еще немалые годы окажется полезным. /-/ Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует.

*Конечно, постепенно мы будем пересоставлять государственный организм. Это надо начинать не все сразу, а с какого-то края. И ясно, что: с н и з у, с м е с т. При сильной центральной власти терпеливо и настойчиво расширять права местной жизни."*²⁶

России нужна своя - новая российская демократия,²⁷ если, согласно суждению А. И. Солженицына, из-за отсутствия "широкого выбора: по всему потоку современности мы /т.е. Россия, А. Ск./ изберем несомненно демократию".²⁸

"Посильные соображения" А. И. Солженицына, устремленные "подальше вперед",²⁹ допускают возможность реализации такой, российской демократии в "государственной структуре", которая "должна непременно учитывать традиции народа",³⁰ и при власти,

21 Там же, стр. 33.

22 Там же, стр. 28.

23 Там же, стр. 28-29.

24 См: М. ГЕЛЛЕР, А. НЕКРИЧ, *Утопия у власти. История Советского союза с 1917 года до наших дней*, Изд. второе, исправленное и дополненное, Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1986, стр. 760.

25 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *op. cit.* стр. 21.

26 Там же.

27 Там же, стр. 36.

28 Там же, стр. 27.

29 Там же, стр. 25 и сл.

30 Там же, стр. 26.

которая должна быть "заповеданное служение"³¹ и не может быть предметом конкуренции партий".³² Таковую демократию определяет А. И. Солженицын как "демократию малых пространств" (небольшого города, поселка, станицы, волости (группа деревень) и в пределе уезда (района) и через выделение местных интересов, непосредственности, неизбежной примеси аристократического или даже монархического элемента" в управлении и обязательного присутствия "сильной руки, которая могла бы государственный руль направлять по ясному курсу"³³ - связывает с демократией малых пространств, якобы "веками существовавшей и в России". Это были по его мнению "сквозь все века русский деревенский мир, а в иные поры - городские веча, казачье самоуправление," а с конца прошлого века (с 1864 г.) и земство.³⁴ В "земской системе" видит А. И. Солженицын основу будущего государственного строя России.

Солженицынское начертание новой российской демократии в своем славянофильско-почвенническом облечении получает самое яркое выражение в предпоследней главе "популярных соображений" "Как нам обустроить Россию?", озаглавленной А. И. Солженицыным многозначительным заглавием "Совещательная структура". Здесь плавно соединены превознесение нравственного начала, критика, хотя данная не непосредственно, учреждений западного государственного строя и идеализация предреволюционного уклада, в нашем случае уклада Московской Руси. Размышляя о "отдаленном государственном будущем" России А. И. Солженицын говорит о необходимости установления над деятельностью всех государственных властей этического контроля, которого могла бы осуществлять, по его суждению верховная моральная инстанция с совещательным голосом. Подобие такой верховной моральной инстанции отдаленного будущего России А. И. Солженицын находит в далеком прошлом - в Земском Соборе Московской Руси.³⁵ А. И. Солженицын как бы вдыхает новую жизнь в идею старинного учреждения (Земский Собор), а вместе с тем и в славянофильское начало девятнадцатого века - в "соборность". А. И. Солженицын цитирует Д. Шипова, что во время собирания Земских Соборов "не происходило борьбы между Государем и Соборами", и связывает этот факт с пониманием "соборности" как "системы доверия", которая "предполагает, что нравственное единство - возможно и достижимо".³⁶ Земскому Собору, как учреждению, и "соборности", как системе доверия, могла бы, согласно предположению А. И. Солженицына, идеально соответствовать

31 А. И. Солженицын следует здесь мысли Владимира Соловьева, выраженной в его философском сочинении *Духовные основы жизни* (1882-1884).

32 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *op. cit.*, стр. 35.

33 А. И. Солженицын ссылается на Раймонда Брогера.

34 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *op. cit.*, 35-37.

35 Там же, стр. 43.

36 Там же, стр. 43-44.

будущая Дума как верховная моральная инстанция, а поскольку А. И. Солженицын ставит нравственное право над юридическим, и как верховное государственное учреждение вообще. Дума/Соборная Дума в "посильных соображениях" А. И. Солженицына "накладывает запрет на любой закон, на любое действие любого учреждения, по ее суждению "может быть наложено вето и на любую кандидатуру в президенты".³⁷ Земский Собор времен Московской Руси базировался на обычном праве, на авторитете Государя и высших сословий, на неписанных правилах поведения. На авторитарной инстанции "авторитетных людей, проявивших и высокую нравственность, и мудрость, и обильный жизненный опыт", на дифференциации сословий - "по профессиям и отраслям приложения труда", и на обычном нравственном праве ("народной совести")³⁸ базирует и проект А. И. Солженицына. Он отказывается - как от всеобщих равных парламентарных выборов, так и от парламентаризма вообще. "Процедуру выборов (или назначения) своих депутатов в Соборную Думу", по начертанию А. И. Солженицына, "каждое сословие определяло бы само."³⁹ Своеобразный солженицынский корпоративизм не признает и профсоюза, ибо он, согласно А. И. Солженицыну, "организация для борьбы за зарплату и материальные выгоды, куда не каждый вступает и не каждого принимают".⁴⁰

Утопическое начертание обновленной и очищенной российской государственности А. И. Солженицын пытается с одной стороны возродить прежний "святой дух" Руси, если воспользоваться словами самого писателя из четвертого тома романа "Март Семнадцатого",⁴¹ т.е. тысячелетнюю христианскую традицию русской духовности, получившую яркое выражение прежде всего в древнерусской святости до раскола, с другой - духовные, в каком-то смысле и теократические, основы и элементы "священной державы" Руси. Во всем этом сказывается и своеобразный культ земли, унаследованный и от Глеба Успенского и Ф. М. Достоевского,⁴² и идеализация Северо-Востока,⁴³ связана с преданиями Северной Фиваиды⁴⁴ и бунтовщического старообрядчества, символа русского духа твердости, аскетизма и самоограничения, по Константину Леонтьеву - самого спасительного и надежного тормоза прогресса,⁴⁵ на этом покоится и недоверие А. И. Солженицына к Западу, его критическое отношение к "западному

---

37 Там же, стр. 45.

38 Там же, стр. 44.

39 Там же.

40 Там же.

41 Цитату приводим по отрывку /Христианство на Руси/, напечатанном в сб. *Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси*, Сост. Михаил Назаров, Изд. "Столица", Москва, 1991, стр. 65.

42 См. главу "Земля", А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *op. cit.*, стр. 14-15.

43 Там же, стр. 18 (гл. "Провинция").

44 См.: ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ, *Святые Древней Руси*, Москва, 1990, стр. 154-164.

45 См.: ЖОРЖ НИВА, *op. cit.*, стр. 207-208.

гуманизму", исходящему из традиции Возрождения и связанному с превознесением "человека, объявившего себя центром бытия," и неумением "создать уравновешенной духовной системы". Западный мир по мнению А. И. Солженицына, избалованного любой "идеологии регламентированного счастья", виновен в том, что за высшее благо принял "счастье" и оказался слеп к другим самостоятельным культурам, - в том числе и к русской.⁴⁶

В "здоровом консерватизме", если воспользоваться понятием самого писателя из "Ответного слова на присуждение литературной награды Американского национального клуба искусств" (1993),⁴⁷ А. И. Солженицына обнаруживаются и некоторые традиционные "святорусские" особенности.⁴⁸ В нашей статье удовлетворимся лишь с коротким перечислением некоторых элементов, оставляя проблему открытой. - На наш взгляд А. И. Солженицын актуализирует в своем начертании "Как нам обустроить Россию?" следующие особенности русской (средневековой) духовности:

- чувственность при обсуждении духовных и социальных проблем,
- аскетическое восприятие мира,
- неприятие духа морали контракта, в котором и один из учителей А. И. Солженицына, а именно Ф. М. Достоевский, угадывал суть западного мироощущения и считал его безнадежно несовместимым с христианской братской любовью, и с этим связано неприятие категорий "опосредование" и "естественный закон",
- антиномию "кротости" и "жестокости" в русской святости,
- деление мира не на три, а на два удела - удел мрака и удел света...

Утопизм А. И. Солженицына базируется и на традиционнорусской вере в моральное воздействие Слова ("ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ")⁴⁹ и в особое назначение литературы и искусства. А. И. Солженицын ссылается на "пророчество" Ф. М. Достоевского "Красота спасет мир!" и на очистительное воздействие платонического "троединства Истины, Добра и Красоты".⁵⁰

Наконец разрешите привести одну на первый взгляд тривиальную фразу: - Не лишнее напомнить, что А. И. Солженицын прежде всего писатель, автор "Архипелага ГУЛаг", великой книги, которая была и остается потрясением для читателей всего мира, все еще жестокого и бесчеловечного; нельзя закрывать диалога с ним.

46 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, Гарвардская речь (1978), А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *Собрание сочинений*, ИМКА-Пресс, Париж, Т. 9 - Публицистика (статьи и речи).

47 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, *Ответное слово*, "Новый мир", 1993, № 4, стр. 3.

48 См.: С. С. АВЕРИНЦЕВ, Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая, "Новый мир", 1988, № 7, стр. 210-220; и Статья вторая, № 9, стр. 227-239.

49 АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН, Нобелевская лекция (1972), "Новый мир", 1989, № 7, стр. 144.

50 Там же, стр. 137.